

* * *

Едва затеплившись, рассвет
молчит над пойменным туманом,
а в небесах, над млечным станом,
сто тысяч лет, сто тысяч лет

звезда прозрачно-голуба,
хрустальным пологом воздета,
сто миллиардов раз воспета –
Вселенной вечная раба.

О, сколько носишь ты имён,
скитаясь в толще мрака, дыма?
Словами, взглядом опалима;
не я один в твой свет влюблён.

Тебе, тебе я шлю привет,
наш путь покорен и всевышен.
Дрожит на каплях диких вишен,
едва затеплившись, рассвет...

* * *

...Как будто было не со мной:
«Весь этот мир, холмы, берёзы,
коней рассветный водопой,
любви застенчивые слёзы,
и мамы добрый поцелуй,
и окуньки в литровой банке...»
О Время, Время, наколдууй,
верни бывшие полустанки,
дорог искрящуюся пыль,
лесные запахи и вкусы
(о них ли спорят?) Это были:
рябин оранжевые бусы,
костры, черёмухи, поля,
столбы смолистые, ограды
и храм, где, в первый раз моля,
просил у Господа пощады
за весь наш мир и за себя,
чтоб были помыслы светлее...
Янтарный лик порхал, дробя
шаги в неведомом елее,

где мёртвых нет, кого, воспев,
остановили годы в датах...
Яснее солнечный напев,
роднее свет в тугих раскатах,
когда над летней синевой
всё чётче видится бывшее,
когда всё было, всё – со мной,
как тёплый луч на аналое...

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Я помню светлую весну
И острых капель перезвоны,
Шумели вскинутые кроны,
Мешая утреннему сну.

Через мосты река текла,
Ручьи врывались в переулки,
Ветвей пронзительные струнки
Касались звонкого стекла.

Дымок витал в сырых углах,
А за окном, роняя блёстки,
Едва окрепшие берёзки
Качали солнце на руках.

* * *

Я уже забываю
из детства простые фрагменты,
потому что и сам
стал давно беспокойным отцом,
но порой, как узлы
перепутанной видеоленты,
дни спешат – и душа
наплывает воздушным кольцом...

Вспоминаю о том,
как однажды я ладил скворечню
неумело, из пары
дощечек с чужого двора;
как сажал у окна
и сирень, и жасмин, и черешню,
а затем возле них
собиралась в теньке детвора.

Вспоминаю родню
и отца в золотой бескозырке
с якорями на лентах

и надписью «Северный флот»,
и берёзовый сок,
и на тёплой тропинке опилки,
и дорожную пыль,
и дымков реактивный полёт.

Вспоминаю соседей,
друзей, и собак, и прохожих,
после радостных гроз
первоцветы раскрашенных дуг,
и в ручье дождевом
уплывающий блеск босоножек,
и размытый песок,
и зелёный раскатистый дух.

Вспоминаю всё чаще
упоение каждой минутой,
тишину, и покой,
и общение – без суеты,
шпиль графина над сдвинутой
к краю весенней посудой,
и в корце огоньки
родниковой прохладной воды.

Вспоминаю навес
и бумажные гильзы, без пульек,
маму в белом халате,
прабабушку с серым платком;
память вновь голосами
рассветных апрельских свистулук
увлекает в поля
и к речушке с сырым островком...

Можно в спешке забыть
обо всём, что, увы, быстротечно;
можно, только – нельзя
жить, слагая лишь боль и раздор.

Вспоминаю – и вижу,
как вновь неразрывно и вечно
над окном моим детским
мерцает Вселенский простор!

* * *

Вечерело – таинственно, строго:
Ярко-красным свеченьем снегов
В колыбели морозного стога
Тлели искры иных берегов.

Плавал дым над речной луговиной,
Отражённой в потоке небес:
С тенью плавной, размашистой, длинной
Шла Вселенная наперевес.

И во всём этом, тихо, огромно
Поглощая земные огни,
Пахли светом смолистые брёвна.
Догорали февральские дни.

ЛЕТНИЕ ЗАРИСОВКИ (лирические этюды)

I.

Пьянящий запах скошенной травы
и лип июньских жгучее цветенье,
протяжный крик невидимой совы
и первых звёзд волнистое течение,
к которым сонно льются лозняки
над пристанью сырого косогора
и вдалеке, над просинью реки,
слетает блеск разрозненного взора –
косые вспышки северных зарниц
ревниво бродят, всматриваясь в лица,
и по дорогам заплутавших птиц
бежит с небес упавшая крупица;
земная пыль густа и солона,
там, где свисая сочно, у обочин
горит поток жемчужного зерна
и старый столб у леса обесточен;
где свет давно, не зная проводов,
струится – из глубин, из поднебесья,
как будто песня деревенских вдов
в глухих ложбинах русского полесья;
то встретится поникшая изба
с чугунным цветом съёжившейся дранки,
то из крапивы встанет городьба,
неся свои трухлявые останки,
то вдруг, как вихрь, серпы чужих подков
прорубят путь по заводам полыни,
невольно вздыбив поступи веков,
и пропадут в курганной тёплой сини;
контраст, огонь... упадок или боль –
я, словно свет, к России не ревную,
а может, есть какой-нибудь пароль,
чтоб осознать всю сущность неземную,
а может, есть... гадай иль не гадай
о вечных днях и зареве высоком –

свою судьбу неловкую верстай
к иным мирам и золотистым токам,
чтоб разглядеть ночные васильки
на берегах, где сумерки отложи:
в протоках млечно-огненной реки
лежат пути, лежат пути-дороги...

II.

Гаснет тихое солнце июля,
горстку света к стеклу обронив,
и сквозь ленты волнистого тюля
льётся запах нескошенных нив;
за окном, в серебре мелководья,
хлипкий мостик рогозом овит,
деревянных домишек угожья
тонут в зелени тонких раakit;
видно всё: над холмистой ладонью
небо россыпью звёздной соля,
ветер ивы уводит к раздолью
и волнует едва тополя;
к серым стенам гимназии-школы
свален зимний строительный хлам,
в переулках пронзительно голы
строчки тропок, бегущих к домам;
к островкам и полоскам тимьяна
чуть заметно струится дымок,
где заря золотисто-румяна
и журавль над колодцем высок;
весь пейзаж по-земному печален
и по-летнему красно-лилов,
а из сумерек сводов и спален
снова слышен стрекочущий зов,
зов земли – необычен и редок, –
словно, судьбы незримо верша,
в глубине нависающих веток
замирает чужая душа;
словно тайно, над вскинутым звуком,
в бликах огненно-солнечных сит
чей-то ангел с приподнятым луком
у порога Вселенной стоит;
и разверзнуты горние выси,
невесом ярко-пепельный лён,
словно к млечной, возвышенной ризе
я горячей щекой прислонён;
словно вдруг, ухватив ту цепочку,
на неведомом, новом пути
покидает душа оболочку,
чтоб навеки её обрести...

III.

Пахнет морем над крышей подворья,
заметают тропинку жасмин:
это ветры средиземноморья
долетают до русских равнин –
из нескошенных трав и расщелин,
из едва обозримых высот,
из лугов, где по склонам расстелен
родниковый холодный осот;
из-за поля, где рвы мелководны
под высоким ольховым шатром,
а на стылые старые копны
набегает редеющий гром;
глина липнет к теплеющим пяткам:
скинув обувь, иду босиком
к топким лужам, наполненным кадкам
за прозрачно-воздушным леском,
где так много ещё позолоты –
напорхавшей с дождями пыльцы –
и в кувшинки, как в полные соты,
смотрят с берега листья-мальцы;
где смыкают бока косогоры,
замедляя раскатистый бег,
и скрипят одиноко рессоры
заплутавших нездешних телег;
где игренево, с хрипом, задорно
кони-лошади рвут из травы
то ли чьи-то упавшие зёрна,
то ли блеск голубой тетивы,
водянисто натянутой к дугам
из цветастых полос-лоскутов:
над проснувшимся солнечным лугом
свет небес бирюзово-медов,
словно луч, забелённый в затоне,
дни вместивший за четверть часа, –
и срываются огненно кони,
над холмами качая леса,
громко хлопая крыльями ставней,
обрывая хозяйский аркан
и дорогой исхоженной, давней
уносясь в неземной океан...

IV.

Моя тоска – обыденна, слепа,
но так ли слепы русские напевы?
Остановлюсь у серого столба,
войду в ночные тёплые посевы,

пересчитаю лики-огоньки
далёких хат и поднебесных строчек
и вдруг услышу голос у реки,
у камышей и одиноких кочек:
«...Открыт весь мир, его прими таким,
каким он был почти от сотворенья,
ведь мы, поэт, уже давно летим
вокруг живого млечного течения,
где всё тобою впитано с росой
и молоком багряно-синих склонов,
под золотисто-блеклой полосой –
на уровне распавшихся фотонов,
на уровне свершившихся начал
и отголосков пепельной Омеги;
где примет всех пустеющий причал
и вознесут нездешние побеги
к иным светилам, ярким, голубым,
крово-красным – огненно и гордо;
где поглотит любых скитальцев дым
за ледяющим облаком Оорта¹;
для Бога все, для Бога все равны:
певец, служитель или же старатель,
вы все для Мира – вечные сыны,
как завещал воинственный Создатель...»
Лицо закрою – и открою вмиг,
пытаясь вновь приблизиться к виденью,
к густой траве, как будто в шорох книг, –
под восковой прозрачно-лунной сенью;
но тихо, тихо... словно голос тот
исчез в воде, где блики синеоки,
но вдруг спокойно – с пристальных высот,
с уставших губ – слетают эти строки.
О Муза! Ты по праву велика,
и оттого легки мои печали
что тонет в лозах, в просини Ока,
а для меня – неведомые дали...

* * *

Острый месяц в лазурном окне,
А под ним, вдалеке багровея,
Сквозь туман убегает аллея –
И пылает в закатном огне.

Светлый купол, служитель веков,
Еле виден в листве тополиной,
Берег пахнет цветами и тиной,
По реке плывут тени домов.

¹ Облако Оорта - гипотетическая сферическая область Солнечной системы.

Где теперь и судьба, и сума?
Может быть, в беспокойных зарницах
И в парящих над бездною птицах,
Тех, что вскинула Вечность сама...

ТАЙНА

*Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.*

А. С. Пушкин

«Моцарт и Сальери»

Нет правды на Земле,
но правда есть чуть выше:
на письменном столе,
над сводом дальней крыши,

в янтарной глубине
лесной воздушной чащи –
почти на самом дне,
где бьётся сердце чаще;

где огненны гонцы
и ангелы проворны;
где в россыпи пыльцы
звучат ночные горны.

Услышать их во мгле,
увы, нельзя случайно...
Есть правда на Земле,
как Бог и даже Тайна.

* * *

Словно между землёй и Вселенной,
В глубине дождевой пелены
Звонкой музыкой – благословенной –
Серебристые капли полны,

Вновь ручьи набегают – шальные,
Разлетаются брызги – лихи...
Как миры неземные, иные,
Пробиваются к свету стихи!

